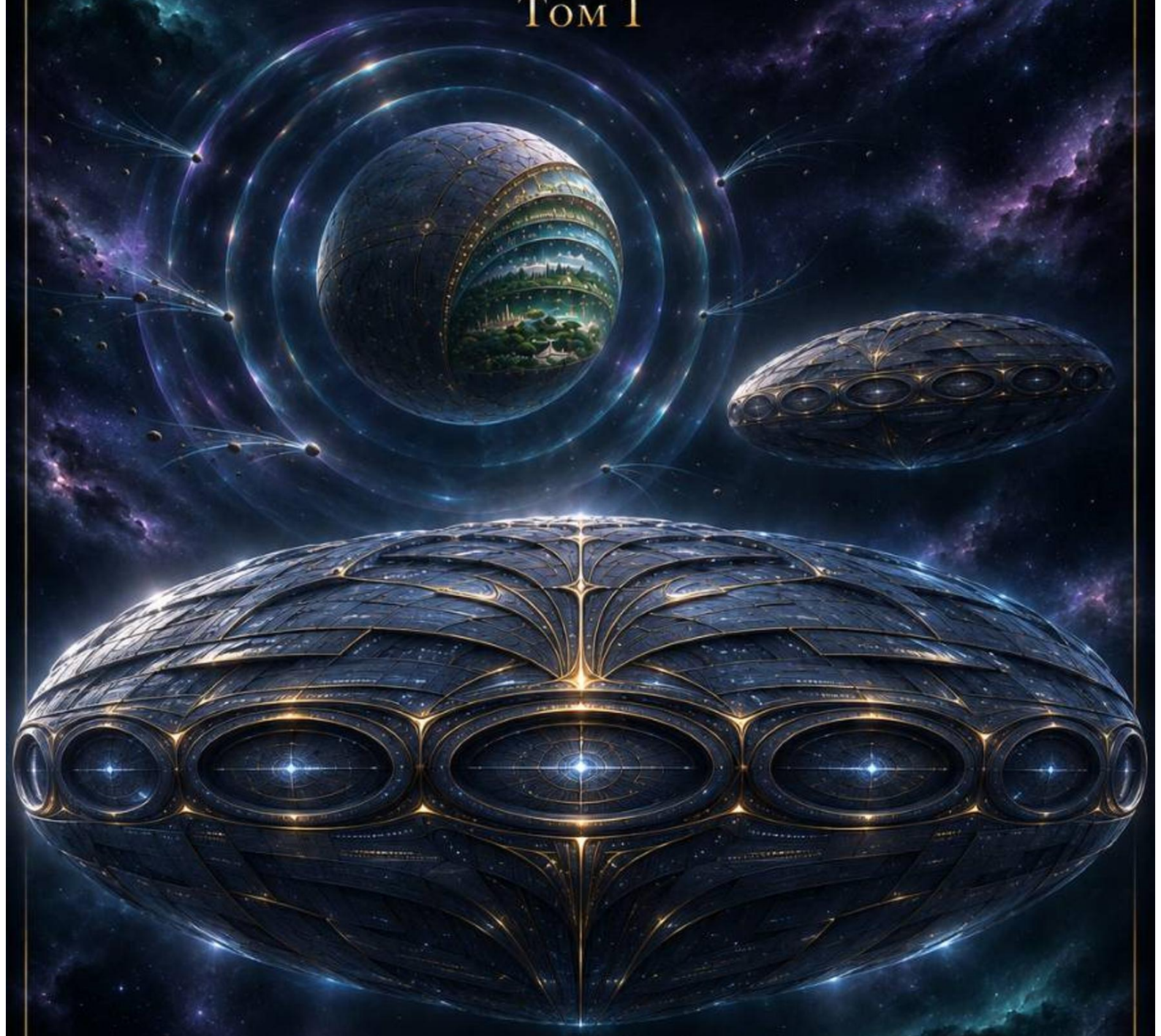
Вивариум

Галактика после долгого времени

Том 1

SIV

SIV

Вивариум. Галактика после долгого времени. Том 1.

«Автор»
2026

SIV

Вивариум. Галактика после долгого времени. Том 1. / SIV — «Автор», 2026

После освобождения от временной задержки экипаж «Берты» покидает Вивариум и обнаруживает, что прошли огромные промежутки времени. Путешествия по планетам Веза, Вильмута и Гохда показывают, как меняются цивилизации и как опасно вмешиваться в чужую жизнь без согласия. Вернувшись к Земле, герои видят первые признаки её восстановления; совет решает заселить зелёную планету в системе Гохд и одновременно бережно оживлять Землю.

© SIV, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Имя, которое ещё помнили 5
Глава первая. После долгой тишины 8
Глава вторая. Земля дышит 10
Глава третья. Пустая координата 12
Глава четвёртая. Те, кого время не забрало 14
Глава пятая. Обратный свет 15
Глава шестая. Координата без звезды 16
Глава седьмая. Чужая вахта 17
Глава восьмая. Карта нижнего кольца 18
Глава девятая. Вода под стеклом 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

SIV
Вивариум. Галактика после долгого времени. Том 1.

Пролог. Имя, которое ещё помнили

К вечеру жара сползала с крыш, но улица всё ещё дышала раскалённой пылью. Я стоял в тени стены и пытался решить, сколько сил останется у меня на дорогу до ночлежки. На Дронгалии подобные расчёты заменяли планы: не думать о завтра дальше, чем позволяли ноги.

На ладони лежала сложенная вчетверо записка. Бумага отсырела от пота, чернила расплылись по сгибу, но имя читалось ясно: Джон Браузен. Ни «землянин», ни «бродяга», ни одно из тех обозначений, которыми меня записывали в местных списках. Просто имя. Я перечитал его несколько раз, словно оно принадлежало человеку, которого когда-то знал.

«Приходи к северным воротам после заката. Один. Барт».

Я не верил записке. Не потому, что почерк был незнаком. Как раз наоборот: короткие угловатые буквы Барта Ланге не изменились. Я не верил, что он нашёл меня и всё ещё считает встречу стоящей усилий.

Когда-то Барт умел входить в комнату так, будто уже знал, кто там врёт, кто боится, а кто просто устал. В последние годы я предпочитал людей, которые ничего обо мне не знали. Они не спрашивали, как погибла Земля. Не спрашивали, почему командор разведывательного флота собирает мелочь на дозу дрона. И не смотрели на меня с тем выражением, будто ответ можно найти, если достаточно долго не отводить глаз.

Я мог выбросить записку. Даже поднял руку. Но бумага не разжалась в пальцах.

До северных ворот я добрался в сумерках, остановившись дважды, чтобы перевести дыхание и убедить себя, что иду не к человеку, а всего лишь проверяю слух. У ворот стояли торговые носильщики, спорили о цене воды и перетаскивали ящики на платформу. За их спинами начиналась дорога к космопорту. Там мерцали посадочные огни — тусклые, жёлтые, похожие на далёкие окна домов, которых больше не существовало.

Барт ждал у старой цистерны. Он был шире в плечах, чем я помнил, и двигался осторожно, поберегая правую ногу. Комбинезон на нём сидел чисто, но не ново. На груди не было знаков флота, только узкая полоса синей ткани, которую он, вероятно, пришил сам. Увидев меня, он не улыбнулся сразу. Сначала посмотрел на мои руки, на лицо, на то, как я переношу вес с одной ноги на другую. Он всегда начинал с того, что можно проверить.

— Ты похудел, Джон.

— А ты научился говорить приветствия.

Теперь он улыбнулся, коротко и без веселья.

— Я рад, что ты пришёл.

— Я ещё не решил, рад ли я этому.

— Справедливо.

Он не протянул мне денег и не предложил еды. Я был благодарен ему за это больше, чем хотел показать. Жалость всегда напоминала мне, что другой человек уже вынес приговор. Барт оставил решение за мной.

— Зачем ты меня искал?

— Собираю людей.

— Для чего?

— Есть работа на Акиэле. Владыка планеты ищет экипажи, которым можно доверить разведку на границе владений Вильмута. Платят достаточно, чтобы начать заново.

— «Начать заново» — это когда есть что начинать.

Барт отвёл взгляд к огням космопорта.

— Я не обещаю тебе новую Землю. И не обещаю, что работа будет чистой. Обещаю только, что там у нас будет выбор, а не ежедневная очередь за дроном.

— Ты собрал сколько?

— Двадцать три человека. Ещё несколько обещали подумать.

— Они знают, куда идут?

— Знают, что я знаю. Остальное расскажу на месте, когда сам увижу договор.

— Значит, не знают.

— Не всё. Я не хотел кормить людей слухами.

Вот тут и проступил настоящий Барт: он не лгал, но уже решил, сколько правды можно отложить ради того, чтобы дело сдвинулось. Когда-то я называл это командирской выдержкой. Позже понял, что так же часто начинается чужая ошибка.

Я прислонился к цистерне. Металл был тёплым. В голове медленно выстраивались вопросы: кто платит; какие корабли; кто командует; зачем владыке понадобились именно земляне; что Барт скрывает не от меня, а от самого себя. Я хотел спросить обо всём сразу, но язык пересох. Тело требовало простого решения — уйти, найти дозу, лечь. Остальное могло подождать до утра. Так оно и ждало год за годом.

— Я не обещаю, что полечу, — сказал я.

— Я этого и не прошу.

— Просишь. Просто не произносишь вслух.

— Хорошо. Прошу выслушать условия. Потом откажешься, если сочтёшь нужным.

Я посмотрел на него. Барт не торопил меня. Его неподвижность была не терпением святого, а усилием человека, привыкшего действовать и понимающего, что любое давление сейчас заставит меня уйти.

На улице за воротами грохнул ящик. Кто-то выругался. Носильщики снова взялись за работу, и их голоса смешались с гулом корабельных двигателей. Я вдруг вспомнил, как на Земле звучал порт ранним утром: металлический скрежет, объявления по громкой связи, шаги экипажей, уверенных, что через несколько часов они вернутся домой. Память не принесла утешения. Она только напомнила, что когда-то я тоже умел считать путь туда и обратно.

— До Акиэля сколько? — спросил я.

— На старом разведчике — несколько прыжков. Если реактор выдержит.

— Уже лучше. Есть корабль, который может не выдержать, и планета, где меня ждёт неизвестный договор.

— Я знал, что ты оценишь подробности.

— Не радуйся. Я сказал, что выслушаю.

— Этого достаточно на сегодня.

Я сунул записку в карман. Бумага легла рядом с единственной вещью, которую я берег: тонкой металлической пластинкой с обломанного земного навигационного журнала. Она была вырезана из корпуса старого прибора и давно не служила ничему, кроме памяти. На ней сохранились две даты: одна земная, другая — время последней синхронизации. Они расходились на семнадцать минут. Я не знал почему и прежде считал это последствием удара, повредившего журнал. Удобное объяснение. Достаточное, чтобы не задавать новых вопросов.

Барт заметил, как я коснулся кармана, но не спросил.

— Завтра в это же время, — сказал он. — Я покажу тебе договор и список экипажа. Если после этого решишь остаться, я не стану уговаривать.

— А если решу лететь?

— Тогда начнём с того, чтобы проверить, не врёт ли корабль на каждом приборе.

Я кивнул. Не в знак согласия. Пока только в знак того, что услышал.

Мы разошлись у ворот. Барт направился к посадочным огням, а я остался среди вечерней пыли, пытаясь понять, что именно изменилось. Мир не стал лучше. Земля не вернулась. Дрон не перестал звать меня к себе. Но впервые за долгое время завтрашний день приобрёл форму вопроса, на который я мог ответить сам.

Когда я добрался до ночлежки, я достал пластинку журнала и ещё раз посмотрел на расходящиеся отметки. Семнадцать минут. Слишком мало, чтобы изменить судьбу корабля, и слишком много, чтобы приборы ошиблись одинаково дважды. Я перевернул металл и увидел на обороте едва заметную насечку — три короткие черты и длинный промежуток. Раньше я принимал их за царапины.

Я убрал пластинку. Сначала — разговор с Бартом. Потом корабль. Потом можно будет решить, заслуживает ли старая ошибка нового внимания.

Так я объяснил себе, почему не стал выбрасывать её.

Глава первая. После долгой тишины

Когда корабль наконец вышел из оцепенения, первым вернулся звук. Не сигнал тревоги и не голос человека — тонкий дребезг металлической панели, которую до этого будто удерживала невидимая рука. Потом ожили часы. Секундная стрелка дёрнулась, замерла и пошла дальше, словно ей пришлось вспомнить, зачем она движется.

Я поднялся с пола рубки, держась за край кресла. Внутри всё плыло, но приборы один за другим возвращали показания. За прозрачной сферой навигационного экрана вспыхнули звёзды. Одни стояли там, где должны были быть, другие сместились настолько, что я сперва решил: повредилась карта.

— Проверка отсеков, — сказал я. Собственный голос прозвучал хрипло. — Никто не покидает корабль, пока не узнаем, что с корпусом и временем.

Барт уже поднимался на ноги. Он молча кивнул и потянулся к внутренней связи. Лиза появилась в проходе через несколько секунд; за ней шли женщины, бледные после пережитого, но целые. Я хотел спросить, не ранена ли она, и вместо этого велел медикам проверить всех. Приказ был проще, чем признание, как сильно я испугался.

Когда эвакуация завершилась и женщины оказались в безопасности, мы покинули Вивариум на корабле Клип «Берта». Омниарх указал нам путь из сегмента и предупредил, что автоматика сооружения может вести себя непредсказуемо. Я запомнил его слова, но не понял их настоящего смысла, пока корабль не перестал отвечать на команды.

Сбой не отпустил нас сразу. Когда Вивариум исчез с экранов, мы провалились в обычное пространство так резко, будто под ногами кончилась лестница. Двигатели «Берты» перегрузились, часть приборов погасла, а корпуса коснулись несколько обломков, которых не показывали датчики. Никто не знал, сколько времени прошло снаружи. Наши часы продолжали отсчёт, но звёздная карта уже не совпадала с прежней.

Мы нашли планету Веза по памяти, а не по приборам. На месте стоянки наших прежних кораблей лежала груда ржавого металла, оплетённая корнями. Там, где мы оставили укрепления, вырос лес. Вез отправился вниз один, чтобы проверить, кто живёт на планете. Вернулся он не сразу. Он рассказал о потомках прежних поселенцев — людях, чьи предания помнили звёздные корабли, хотя сами они уже не умели строить даже простые летательные аппараты.

Мы не стали объявлять эту встречу возвращением домой. Вез говорил с ними бережно, не навязывая знания и не называя себя хозяином их будущего. Его сдержанность убедила меня сильнее любых слов: перед нами были не пустые земли, которые можно занять, а живой народ со своей памятью. Мы оставили им то, что они просили и могли использовать, и ушли, не вмешиваясь в их устройство жизни.

Затем мы обследовали владения Вильмута. Там, где прежде передавали приказы имперские станции, молчали ретрансляторы. Одни планеты были почти безлюдны, на других сохранялись разрозненные общества, утратившие большую часть прежней техники. По обломкам, легендам и записям мы восстановили лишь общее: давняя война разрушила межзвёздные державы, а её причины затерялись вместе с архивами. Мы не могли вернуть погибшие империи. Могли только не повторять их уверенность, будто сила даёт право распоряжаться чужими мирами.

На обратном пути я поймал себя на том, что снова ищу глазами Дронгалию. Мне хотелось проверить, остался ли на ней хоть один след прежней жизни. Позже мы узнали, что планета превратилась в обожжённую пустыню. Впервые это известие не вызвало во мне ни облегчения, ни жажды. Я не стал считать это победой. Просто понял, что зависимость больше не командует каждым моим решением.

На планете, которую Вез когда-то передал землянам, мы прожили полтора года. Это была зелёная, тихая земля, и после долгих перелётов тишина казалась почти роскошью. Но даже там мы не могли забыть тех, кто остался далеко. Когда мы отправились к Земле, никто не обещал, что она ещё существует. Мы летели проверить последнее место, которое всё ещё называли домом.

Глава вторая. Земля дышит

С орбиты Земля выглядела не такой, какой я запомнил её перед катастрофой, и не такой, какой видел в кошмарах. На материках проступали пятна растительности. Берега были тёмными от воды и новой жизни. Над океанами тянулись полосы облаков. Я долго не мог произнести ни слова.

Мы не стали садиться сразу. Сначала измерили радиационный фон, состав воздуха, состояние почвы и воды. Воздух оставался бедным кислородом, но его доля росла. В морях обнаружились водоросли и простейшие организмы. В некоторых районах сохранились растения, не похожие ни на земные, ни на те, что мы знали по другим мирам. Они удерживали влагу и постепенно меняли грунт.

Лиза стояла рядом со мной у обзорного экрана. Она не улыбалась. Её пальцы лежали на панели так неподвижно, что я понял: она боится коснуться изображения и разрушить его.

— Это ещё не значит, что мы можем жить здесь, — сказала она.

— Знаю.

— И не значит, что планета восстановится по нашему расписанию.

— Тоже знаю.

Она повернулась ко мне.

— Тогда не обещай людям быстрого возвращения.

— Не обещаю.

Это было первое решение, принятое у Земли: не путать надежду с гарантией.

На поверхности мы работали в защитных костюмах. Каждая проба шла в отдельный контейнер, каждый участок отмечали на карте. Один экипаж исследовал воду, другой снимал состав атмосферы, третий искал места, где могли сохраниться семена. Мы не знали, какие формы жизни окажутся полезны, а какие могут нарушить хрупкий порядок. Поэтому ничего не выпускали в открытую среду без испытаний.

Совет собрался в модуле связи, когда первые результаты стали достаточно надёжными для обсуждения. За столом сидели Барт, Лиза, Вез, несколько старших из землян и Риан Тавель — специалист по восстановлению почв, которого мы пригласили с планеты Веза. Он был немногословен, носил с собой небольшой блокнот и не доверял выводам, которые нельзя было проверить повторно. Его спокойствие иногда раздражало Барта, но именно оно удерживало нас от поспешных решений.

— У нас два дела, — начал я. — Земля постепенно возвращается к жизни. И у нас есть планета в системе Гохд, которую Вез передал людям. Мы можем строить поселение там и параллельно помогать Земле восстанавливаться.

— Если назвать это терраформированием, люди решат, что мы собираемся переделать Землю под себя, — заметил Риан.

— А если назвать восстановлением, они решат, что всё будет просто, — возразил Барт.

— Тогда не будем прятаться за названием, — сказала Лиза. — Объясним, что именно собираемся делать и чего пока не знаем.

Вез предложил начать с планеты в системе Гохд. Там земляне могли создать устойчивое поселение, не заставляя Землю сразу кормить всех вернувшихся. Он не называл её своей собственностью. По его словам, дар имел смысл только в том случае, если люди сами решат, как жить на этой земле, и не лишат будущего местных форм жизни.

Барт поддержал поселение: людям нужны были безопасное место, жильё, мастерские и запасы. Он опасался, что если мы станем ждать полной готовности Земли, рассеянные семьи снова разойдутся по чужим мирам. Лиза согласилась с необходимостью базы, но потребовала,

чтобы совет не объявлял Землю оставленной. Для неё восстановление было обещанием, которое мы дали себе, когда увидели первые признаки жизни.

Риан предложил разделить работу на малые испытательные участки. Не переносить целые экосистемы и не засаживать материки чужими видами, а проверять каждое растение отдельно: как оно меняет почву, сколько воды потребляет, не вытесняет ли местные организмы. На Земле он хотел начать с теплиц и закрытых опытных долин. На планете Гохд — с жилья, продовольственных культур и питомника для будущих посадок.

Мы спорили несколько часов. Никто не получил всего, чего хотел. В итоге совет постановил: поселение землян создаётся на зелёной планете в системе Гохд, переданной нам Везом; Землю не заселяют массово, пока измерения не подтвердят безопасность; программу восстановления начинают немедленно, с изолированных питомников и постепенного разведения полезных растений и деревьев. Решение было новым дополнением к исходной истории. Оно не отменяло возвращение к Земле, а давало нам время и место, откуда можно было помогать ей без риска погубить то, что только начало оживать.

Я поставил подпись последним. Не потому, что сомневался в цели. Я боялся другого: однажды мы снова назовём чужую планету пустой, а потом обнаружим, что не заметили тех, кто уже считал её домом. Поэтому в решении появились обязательные обследования и запрет на крупные посадки до подтверждения, что они не навредят местной жизни.

Глава третья. Пустая координата

Мы вернулись на Гохд, чтобы утвердить место будущего поселения и развернуть первые питомники. «Берта» шла впереди небольшого конвоя. В трюме лежали контейнеры с образцами для лабораторий, а в отдельном отсеке — оборудование, которое предстояло проверить на новой планете. Я рассчитывал на обычный перелёт: сверка курса, испытание связи, посадка и долгий список работ.

Странность появилась на третьем переходе. Навигационная система показала короткий сбой времени — семнадцать минут расхождения между внутренними часами корабля и внешним маяком. Я сразу вспомнил металлическую пластинку старого журнала, которую много лет хранил после гибели Земли. Тогда подобное расхождение казалось повреждением прибора. Теперь я попросил Риана и корабельного инженера проверить каждый источник времени независимо.

— Часы исправны, — доложила Сена, инженер «Берты». — Ошибка возникает только тогда, когда я подключаю к диагностике блок Клип.

— Значит, отключи его, — сказал Барт.

— Я отключала. Сбой возвращается, когда мы проходим этот сектор.

— Он реагирует на координаты? — спросила Лиза.

Сена кивнула.

— Пока это единственное объяснение. Но я не утверждаю, что причина именно в координатах.

Мы остановили конвой за пределами отмеченного участка. Я запретил приближаться, пока не сравним показания независимых датчиков. Барт хотел послать автоматический зонд; Лиза напомнила, что мы не знаем, как его появление повлияет на сигнал. Вез предложил передать данные Омниарху, если старые каналы связи ещё работают. Никто не спорил с проверкой. Спорили о том, сколько риска можно принять ради ответа.

Сена запустила диагностику на отдельном источнике питания. Блок Клип оставался в защитном кожухе, без доступа к навигации. На его поверхности проступил тонкий голубой свет. Он вспыхнул трижды, затем замер. Через минуту корабельный маяк зафиксировал такой же ритм оттуда, где на старых картах когда-то находился Вивариум.

Я не позволил себе назвать это зовом. Сигнал мог быть отражением, остатком старого поля или совпадением. Но когда мы развернули «Берту» от сектора, двигатели не изменили тягу, а корабль всё равно продолжил смещаться к нему. Сена проверила магнитные поля и инерционные датчики. Барт сверил траекторию с ручными расчётами. Они оба получили один результат.

В этот момент ожила автоматика Клип. Не вся — только контур, который мы считали изолированным. Следом ответил дальний маяк. На экране возникла сетка, которой не было ни в одном нашем архиве. Она совпадала с кривыми, снятыми у Вивариума перед исчезновением.

— Уводи нас, — приказал Барт.

Сена уже пыталась. Рули реагировали, двигатели работали, но курс возвращался к прежней линии. «Берта» не ускорялась и не дёргалась; её медленно, неумолимо тянуло вперёд. Это пугало сильнее удара. У нас оставалось время, чтобы проверить системы, но не было способа остановить движение.

Лиза встала рядом со мной у экрана.

— Если это Вивариум, там могут быть люди.

— А если это ловушка?

— Тогда мы должны выяснить, кто её устроил и почему. Но сначала убедимся, что все знают риск.

Я собрал экипаж. Каждый получил право отказаться от перехода на спасательную капсулу, если она отделится от корабля. Решение было тяжёлым: капсула могла не выдержать поля, а остаться означало лететь к неизвестному сооружению. Никто не ушёл. Я не назвал это храбростью. Они просто хотели знать, что случилось с теми, кого мы оставили.

Впереди проявился Вивариум. Сначала — лишь едва заметная граница на звёздном фоне. Затем в темноте проступили его сегменты, наружные конструкции и знакомая шахта. Внутри сооружения двигались огни. На канале связи прошёл треск, и за ним раздался голос, который я узнал прежде, чем смог поверить.

— Джон Браузен. Если это действительно ты, ответь. Здесь Омниарх.

Я положил ладонь на край пульта. В этот раз я не торопился с ответом.

— Это Джон. Мы возвращаемся.

Глава четвёртая. Те, кого время не забрало

Нас встретили у внутреннего шлюза. Омниарх изменился: шерсть на его плечах поседела, движения стали медленнее, но голос оставался твёрдым. Он долго смотрел на Лизу, потом на меня, будто проверял, не исчезнем ли мы снова, если он моргнёт.

За ним стояли знакомые хелки и несколько землян. Я узнал лица не сразу. Время для нас прошло иначе, и это различие не укладывалось в простую меру лет. Кто-то постарел, кто-то почти не изменился; некоторые имена я помнил лучше, чем черты. Мы не бросились обниматься. Сначала назвали друг друга по именам, осторожно, как люди, которые боятся ошибиться и причинить боль.

Омниарх объяснил, что после нашего исчезновения автоматика Вивариума продолжала работать лишь частично. Связь между сегментами нарушалась, некоторые производственные линии были запечатаны, а изделия Клип взаимодействовали с сооружением непредсказуемо. Они не знали, притянула ли «Берту» сама система или корабль случайно вошёл в контур, который давно ждал подходящего сигнала.

Мы не стали сразу обещать помощь. На совете Вивариума я рассказал о Земле и поселении в системе Гохд. Омниарх выслушал, не перебивая. Хелки хотели понять, можно ли применять изделия Клип для восстановления своих поселений и защиты от опасностей. Земляне предлагали знания и труд, но не право распоряжаться Вивариумом. Лиза настояла, чтобы любые испытания проводились с согласия тех, кого они затронут.

Мы решили остаться на ограниченный срок, чтобы изучить автоматику и возможности Клип. Сначала — инвентаризация, карты неисправностей и совместные группы из хелков и землян. Никаких запусков неизвестных производственных линий без проверки. Никаких устройств, которые могли бы менять среду или перемещать людей во времени, без отдельного решения совета.

Я смотрел на Омниарха и понимал: возвращение не завершило старую историю. Оно открыло новую обязанность. Мы пришли не спасать Вивариум вместо его жителей. Мы пришли узнать, можем ли быть полезны, не повторив ошибок тех, кто когда-то решил, что технология освобождает от ответственности.

Глава четвёртая. Те, кого время не забрало

Нас встретили у внутреннего шлюза. Омниарх изменился: шерсть на его плечах поседела, движения стали медленнее, но голос оставался твёрдым. Он долго смотрел на Лизу, потом на меня, будто проверял, не исчезнем ли мы снова, если он моргнёт.

За ним стояли знакомые хелки и несколько землян. Я узнал лица не сразу. Время для нас прошло иначе, и это различие не укладывалось в простую меру лет. Кто-то постарел, кто-то почти не изменился; некоторые имена я помнил лучше, чем черты. Мы не бросились обниматься. Сначала назвали друг друга по именам, осторожно, как люди, которые боятся ошибиться и причинить боль.

Омниарх объяснил, что после нашего исчезновения автоматика Вивариума продолжала работать лишь частично. Связь между сегментами нарушалась, некоторые производственные линии были запечатаны, а изделия Клип взаимодействовали с сооружением непредсказуемо. Они не знали, притянула ли «Берту» сама система или корабль случайно вошёл в контур, который давно ждал подходящего сигнала.

Мы не стали сразу обещать помощь. На совете Вивариума я рассказал о Земле и поселении в системе Гохд. Омниарх выслушал, не перебивая. Хелки хотели понять, можно ли применять изделия Клип для восстановления своих поселений и защиты от опасностей. Земляне предлагали знания и труд, но не право распоряжаться Вивариумом. Лиза настояла, чтобы любые испытания проводились с согласия тех, кого они затронут.

Мы решили остаться на ограниченный срок, чтобы изучить автоматику и возможности Клип. Сначала — инвентаризация, карты неисправностей и совместные группы из хелков и землян. Никаких запусков неизвестных производственных линий без проверки. Никаких устройств, которые могли бы менять среду или перемещать людей во времени, без отдельного решения совета.

Я смотрел на Омниарха и понимал: возвращение не завершило старую историю. Оно открыло новую обязанность. Мы пришли не спасать Вивариум вместо его жителей. Мы пришли узнать, можем ли быть полезны, не повторив ошибок тех, кто когда-то решил, что технология освобождает от ответственности.

Глава пятая. Обратный свет

В первую ночь после возвращения я не спал. «Берта» стояла в отсеке Вивариума, отведённом нам Омниархом, но все внешние соединения оставались отключёнными. Между кораблём и стеной лежала полоса свободного пространства. На шлюзе висело предупреждение: вход только с дежурным, питание от сетей Вивариума не подключать.

Я проверил это сам перед тем, как уйти с мостика. Кабели были убраны, контакты закрыты, главный блок Клип заперт в отдельном отсеке. Сена оставила на панели только автономные часы и аварийное освещение. Барт вызвался дежурить первым, но настоял, чтобы я лёг хотя бы на несколько часов. Я согласился, не обещая, что усну.

Проснулся я от света. На навигационной панели горела тонкая белая дуга, хотя питание к ней не шло. Она не мигала и не двигалась. Просто лежала на тёмном стекле, как отражение луны на воде.

Я позвал Барта. Он спал в кресле у двери и вскочил так быстро, будто ждал тревоги. Мы проверили основной щит, аварийную линию, резервные аккумуляторы. Все выключатели были в прежнем положении. Дуга оставалась.

— Не трогай, — сказал Барт, когда я потянулся к панели.

Я остановил руку. Мы пригласили Сену и Лизу, затем записали время, температуру и показания независимого измерителя поля. Показания не менялись. На панели не было ни кода, ни предупреждения, ни изображения, которое можно было бы принять за сообщение.

Сена сфотографировала дугу и проверила поверхность экрана отдельным датчиком. Тепла не было. Ни электрического поля, ни остаточного заряда прибор не обнаружил. Через семь минут свет исчез. Он не погас постепенно — его просто больше не было.

— Перезапустить систему? — спросил Барт.

— Нет, — сказала Сена. — Тогда мы изменим условия и не узнаем, что произошло само.

Она поставила на панель две камеры с независимым питанием и закрыла мостик. Мы не нашли ни следов команды, ни записи о включении. В журнале Берты за этот промежуток оставалось пустое место, словно корабль ничего не заметил.

Утром я рассказал Омниарху. Он не назвал это знаком и не стал искать для явления легенду. Он лишь велел занести наблюдение в общий журнал и попросил больше не оставлять корабль без двух дежурных.

Лиза сказала, что свет мог быть отражением от внутренней оболочки. Сена ответила, что проверит эту возможность, но попросила не записывать её как объяснение до тех пор, пока мы не воспроизведём его при тех же условиях.

Мы так и не воспроизвели дугу. Остались фотография, показания нулевых датчиков и пустая строка в журнале «Берты». В тот день мы продолжили обычную работу: перенесли карту Вивариума к внутреннему шлюзу и начали отмечать известные переходы.

Глава шестая. Координата без звезды

На третьи сутки Сена попросила меня подняться на мостик. Она не включала навигацию. На экране, который должен был оставаться чёрным, медленно проступали точки — не звёзды, а пустые круги без названий и расстояний.

Барт отключил экран от всех внутренних цепей. Круги не исчезли. Мы направили на него переносной регистратор, затем закрыли панель непрозрачным листом. Изображение больше не было видно, но прибор продолжал фиксировать слабый ритм на поверхности — три коротких изменения и долгую паузу.

Сена попросила нас не соединять это наблюдение с прежней дугой. Она измерила последовательность отдельно и выяснила, что интервалы не совпадают. Внешний хронометр шёл ровно. Корабельные часы тоже. Никакой временной задержки приборы не показывали.

Когда мы сняли экран, на нём остался один круг. Сена переписала его положение вручную. По расчётам навигационной системы координата находилась за пределами текущей карты. Ни одна звезда на небе не соответствовала ей. Мы сверили данные с оптическими приборами, с картой, которой пользовался исходный экипаж, и с независимым маяком Омниарха. Совпадений не было.

— Может быть, это не координата, — сказала Лиза. — Просто похожая форма.

— Может быть, — ответил я.

Мы не знали даже этого. Круг мог быть остатком изображения, обозначением неизвестной функции или случайным следом на панели. Сена настояла, чтобы мы сняли экран и убрали его в защитный контейнер. Не потому, что он казался опасным, а чтобы больше не менять условия наблюдения.

На следующий день кругов на панели уже не было. Они не вернулись ни при проверке в темноте, ни после подачи автономного питания. О координате мы сообщили Омниарху. Он нашёл в архиве несколько старых карт, но ни одна не охватывала этот участок пространства.

Я вспомнил насечки на пластинке с Дронгалии. Сена попросила не накладывать их на новый рисунок: данных было слишком мало, а сходство легко придумать, если очень хочется. Я убрал пластинку обратно в конверт.

Мы не нашли звезду безымянного круга. Зато внесли в журнал правило: любой образ, появившийся на панели при отключённой системе, сначала фиксировать отдельно, не пытаться вводить как координату и не передавать в навигацию.

Глава седьмая. Чужая вахта

Через несколько ночей на «Берте» сработал внутренний сигнал, похожий на вызов с мостика. Барт был на дежурстве; я и Лиза находились в жилом отсеке. Мы пришли одновременно. На панели не горел ни один из известных индикаторов.

В центре экрана стояла короткая вертикальная черта. Она появлялась на один вдох, исчезала, потом возникала снова. Между появлениями проходило разное время. Барт уже отключил навигационный модуль и снял питание с кресла пилота. Черта продолжала возникать.

Сена заглянула в журнал. Никакой команды не было. Переключатели систем оставались на месте. Блок Клип был заперт и не подключён. Лиза проверила внутреннюю связь, но ни один канал не передавал звук.

Затем кресло пилота само выдвинулось на несколько сантиметров и остановилось. Никто из нас к нему не прикасался. Движение было тихим, почти осторожным. Барт первым отступил от панели и приказал всем покинуть мостик. Мы закрыли дверь, установили наблюдение снаружи и не пытались повторить движение.

Через минуту черта погасла. Кресло осталось выдвинутым. Сена проверила направляющие и нашла, что тормоз удерживается. Механизм не был сломан, но ни одна команда на его движение не зарегистрировалась.

Я спросил Барта, мог ли он задеть переключатель. Он ответил, что нет. Он стоял в стороне и видел панель целиком. Лиза тоже была уверена, что рядом никого не было.

На этот раз мы решили не оставлять событие только в корабельном журнале. Каждый из нас отдельно записал, что видел и в какой последовательности. Сена сохранила необработанные данные регистраторов, даже там, где они показывали ноль. Омниарх распорядился установить у входа в мостик механическую пломбу и вести дежурство двумя наблюдателями.

Перед уходом я вернул кресло на место вручную. Оно двигалось без сопротивления. На внутренней стороне подлокотника обнаружилась тонкая линия, которой раньше не было. Не царапина и не трещина — едва заметная отметка, словно кто-то приложил к металлу острый край и тут же убрал его.

Сена сфотографировала линию и измерила её. Она не совпадала ни с одним знаком, который мы уже видели в Вивариуме. На следующее утро отметка исчезла. Поверхность была ровной и холодной.

Мы ничего не нашли, что объяснило бы движение кресла. Не обнаружили человека на борту, не зарегистрировали команду и не выявили неисправности. Я не мог назвать это разумом, памятью или случайным сбоем. В тот день совет постановил, что внутренние системы «Берты» будут включаться только по письменному решению экипажа и под наблюдением двух человек.

После этого мы вернулись к карте нижнего кольца. Вивариум ждал обследования, а хелкам нужна была вода. Необъяснимые сигналы остались с нами, но не получили права решать за нас.

Глава восьмая. Карта нижнего кольца

Наутро после встречи мы вернулись к внутреннему шлюзу. Теперь на столе лежала карта Вивариума, составленная из старых схем и новых отметок. Большая часть линий обрывалась. Там, где должны были быть переходы между сегментами, стояли серые прямоугольники: неизвестно, закрыты ли они, разрушены или просто не отвечают.

Омниарх предложил начать с нижнего кольца — технического пояса, откуда можно было проверять подачу энергии и состояние переходов, не заходя в жилые области. Он знал, что там давно не работали основные автоматы, но не мог поручиться, что вспомогательные системы не включатся при нашем приближении.

— Я не хочу, чтобы земляне заходили туда одни, — сказал он. — И не хочу, чтобы хелки шли за ними, как проводники, не имеющие права остановить работу.

Лиза поддержала его. Мы договорились, что любой участник сможет прекратить обследование, если сочтёт угрозу неприемлемой. Сначала — обзор из шлюза, затем измерения; к ручному управлению не прикасаться, пока не поймём, что именно оно запускает.

К нам подошла Мерра, хранительница переходов из ближайшего поселения хелков. Она была ниже Омниарха, с тёмной полосой меха вдоль спины и светлой отметиной у левого уха. При ней был узкий металлический прут, обёрнутый тканью. Она не стала долго представляться и сразу указала на нижнюю часть карты.

— Здесь проходит старый коридор к водному узлу, — сказала она. — Моя семья живёт над этой стеной. Когда мы слышим три удара и длинную тишину, мы не приближаемся к дверям.

Я посмотрел на рисунок. В кармане комбинезона лежала пластинка земного журнала, та самая, с тремя короткими насечками и промежутком. Я достал её. За прошедшие годы металл потемнел, но царапины не изменились.

Мерра поднесла к ним свой прут, не касаясь пластинки.

— Такой же ритм, — сказала она. — Только здесь его слышно через стену.

Я не стал говорить, что знак мог объяснить всё. У нас было только сходство рисунка и рассказ о звуке. Сена сняла показания с пластины и сверила их с журналом «Берты». Три импульса совпадали по длительности с теми, что система Клип зарегистрировала у Вивариума, но источник и смысл оставались неизвестны.

Мерра согласилась вести группу только после того, как я показал ей план маршрута и назвал пределы обследования. Она хотела убедиться, что водный узел не угрожает её поселению. При этом настояла, чтобы мы не открывали жилые двери даже в случае потери связи. Если связь оборвётся, группа должна вернуться к шлюзу по маякам, не пытаясь искать её родных.

— Ты просишь меня оставить их за стеной, если там что-то случится, — сказала она.

— Я прошу тебя не подвергать риску всё поселение, — ответил я. — Мы проверим, можно ли дойти до узла другим путём. Если нельзя, остановимся.

Она долго смотрела на карту.

— Тогда я пойду с вами. Я знаю, где коридоры изменились. Но если скажу «назад», вы не будете спорить.

— Не будем.

В техническом кольце воздух был сухим и пах старой пылью. Лучи фонарей выхватывали из темноты рёбра опор и закрытые панели. Некоторые поверхности казались цельными, хотя приборы показывали за ними полости. Мы двигались медленно: Сена ставила метки, Барт проверял крепления, а Мерра вела нас по участкам, где звук шагов менялся. Она прислушивалась к полу и стенам, прикладывая к металлу рукоять своего прута.

На первом ответвлении мы нашли панель с тремя короткими штрихами и длинной пустой полосой. Сена не подключала к ней питание. Она лишь измерила остаточное поле и сняла изображение. На портативном экране проступил узор, похожий на тот, что был на пластинке.

— Два совпадения ещё не доказывают общего источника, — сказала Сена. — Но теперь у нас есть место, которое можно сравнить с журналами Клип.

Мерра положила ладонь на стену. Её пальцы едва заметно дрогнули.

— Оно проснулось, — сказала она.

В ту же секунду по коридору прокатились три глухих удара. После них наступила длинная тишина.

Мы отступили к шлюзу, как и условились. Ничего не включали и не открывали. Когда последний участник пересёк порог, дверь за нами закрылась сама. На внешнем индикаторе загорелась тонкая голубая линия, которой не было до нашего входа. Вивариум отметил, что мы были внутри.

Глава девятая. Вода под стеклом

Через час после нашего возвращения датчики у шлюза зарегистрировали изменение давления в нижнем кольце. Оно было небольшим, но продолжало расти. Сена сравнила показания с картой сегмента и обнаружила, что давление падает в отсеке рядом с водным узлом. Там не было жилых комнат, однако за стеной находились резервуары, от которых зависели несколько поселений хелков.

Омниарх хотел собрать совет и ждать полной диагностики. Мерра возразила: если резервуарный клапан откроется при перепаде давления, вода уйдёт в пустой технический отсек, а насосы начнут забирать запас из жилых бассейнов. Это не затопит поселение сразу, но через несколько часов хелки останутся без питьевой воды и возможности поддерживать свои сады.

— Ты уверена? — спросила Сена.

— Я не уверена, — ответила Мерра. — Я знаю, что так было однажды. Тогда старшие закрыли ручной затвор до того, как опустел первый резервуар.

— А сейчас затвор доступен?

— Он за дверью, которая не открывалась много лет.

Мы не стали спорить о том, кто прав. Сена установила два внешних датчика, и оба показали тот же рост перепада. Омниарх вызвал техников хелков и велел подготовить резервный запас воды. Я предложил ограниченную группу: Мерра, Сена, Лиза и я. Барт должен был остаться у шлюза и держать связь. Он явно хотел идти сам, но согласился, когда Лиза напомнила, что нам нужен человек, способный координировать помощь снаружи.

Перед входом Мерра повторила условие: жилые двери не трогаем. Омниарх подтвердил это от имени совета. Мы взяли ручные маяки, страховочные ленты, переносной насос и инструмент для размыкания механических соединений. Блок Клип оставили в изолированном контейнере. Ни один из нас не считал правильным брать источник неизвестной энергии в узкий коридор, где колебалось давление.

Дверь в технический отсек не поддалась сразу. Её удерживало давление с другой стороны. Сена закрепила датчик на стыке, Мерра нашла в стене старую нишу и показала, где проходил ручной сброс. Мы открыли клапан на четверть оборота. Металл задрожал, и створка медленно отлипла от рамы.

По ту сторону коридор уходил вниз. На полу лежала тонкая плёнка воды. Через прозрачные панели справа виднелись резервуарные колонны, уходившие вверх и вниз за пределы фонарного света. Уровень в первой уже опустился ниже отметки, которую Мерра показала на карте.

Мы двинулись к затвору. На полпути гравитация изменила направление. Не резко, но достаточно, чтобы вода поднялась со дна и разлетелась прозрачными шариками. Я ударился плечом о стену. Лиза удержалась на страховочной ленте, Сена прижала к груди датчик. Мерра исчезла за поворотом.

— Мерра! — крикнул я.

Ответа не было. Сена увидела её маяк за стеной, в короткой боковой галерее. Мерра не потерялась: она направилась к ручному затвору, потому что услышала повторный стук из глубины. Без нас она не могла удержать тяжёлое колесо и одновременно перекрыть поток.

Мы добрались до неё, цепляясь за рёбра конструкции. Вода уже доходила до колена и медленно тянула нас к открытому стоку. Мерра стояла у рычага, упершись плечом в опору. Она не стала просить о помощи. Только коротко сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.